

СМЕРШ

СМЕРШ в БОЮ

Подвиги сталинских «волкодавов»

Александр ТАМОНИКОВ

СМЕРЬ

Волынская мадонна

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Волынская мадонна / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (СМЕРШ в бою. Подвиги сталинских «волкодавов»).

ISBN 978-5-04-229773-1

1944 год. На Волынь прибывает оперативная группа майора СМЕРШ Станислава Шелеста. Его задача — расследовать обстоятельства гибели партизанского отряда, воевавшего в этих краях против националистов. Шелесту удастся найти чудом выживших участников последнего боя. На допросе одна из свидетельниц созналась, что это она привела отряд в засаду. Боевая партизанка и вдруг — предательница... Опытный оперативник чувствует, что женщина нарочно оговаривает себя. А что, если она действует по указанию бандеровцев? Майор решает использовать появившийся шанс и выйти на бандитское подполье...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229773-1

© Тамоников А. А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

10 июля 1943 года в волыньском селе Кустищи повстанцами УПА был зверски убит некий Зигмунд Ян Рамель, посланник польского правительства в изгнании. Хохочущие поборники незалежности порвали его лошаадьми. Он прибыл на Волынь для ведения переговоров с УПА, и ему крупно не повезло. Впрочем, как и генералу Владиславу Сикорскому, чей самолет 4 июля потерпел крушение над Гибралтаром.

Правительство в изгнании возглавил Станислав Миколайчик, опытный боец закулисной дипломатии. Но остановить надвигающуюся катастрофу он уже не мог. Численность польского населения на Западной Украине «корректировалась» и раньше, но функционерам ОУН и УПА требовалось большего. Гибель Рамеля наглядно показала — переговоров не будет.

Ад разверзся вечером 11 июля, когда командиры повстанческой армии получили прямой приказ. Началась совместная операция подразделений УПА и Службы безопасности ОУН. Вздрогнул округ Волынь-Подолье, начались

массовые убийства лиц «неправильной» национальности.

Состав из десятка пассажирских вагонов покинул Ковель и отправился на запад около одиннадцати вечера 11 июля. Он без остановки прогрохотал через станцию Мазовую и взял курс на Возырь, небольшой городок в сорока километрах от Ковеля. Около полуночи вошел на станцию и встал на главном пути, с которого был экстренно убран эшелон с углем. Паровоз пытел, из трубы валил дым. Скрипели двери тамбуров, покрикивали офицеры. Крепкие, выносливые мужчины, обвешанные оружием, высыпали из вагонов, строились на перроне.

Батальон СБ ОУН был укомплектован почти полностью. Недостатка в добровольцах вожди не испытывали. Отдельной формы для повстанцев так и не изобрели. Они носили какие угодно мундиры без знаков различия, польские конфедератки, немецкие кепи, советские пилотки с украинским трезубцем вместо звездочки. Подсумки Красной армии, патронташи вермахта, за спиной походные ранцы из брезента и телячьей кожи, холщовые вещмешки. Арсенал у бойцов был самый разнообразный, от немецких «МП-40» и карабинов «маузер» до советских «ППШ» и укороченных винтовок Мосина. Повстанцы оживленно переговаривались, разноголосый гул висел над шеренгами. Прохаживались командиры, выкрикивали распоряжения.

Прибежал смертельно бледный дежурный по станции, на его счастье, украинец. Он мялся, тербил замызганный флажок.

Станцию охраняли небольшие подразделения ваффен-СС и вспомогательной полиции. Солдаты в черной униформе стояли на крыльце вокзала, с интересом следили за происходящим. Переговаривались офицеры с молниями в петлицах. Из грузовика, стоящего за углом, высывались головы в касках, мерцали огоньки сигарет. Немецкое командование в происходящее не вмешивалось, контролировало ситуацию. Пусть резвятся эти недоделанные вояки, мечтающие о собственном государстве.

Несколько человек, бряцая амуницией, пропустили вдоль состава, попрыгали на полотно за последним вагоном.

На другой стороне между поездами растерянно мялись двое дорожных рабочих. Еще недавно они устраняли неисправность в чугунной сцепке между товарными вагонами, закрепляли тормозной шланг. Оба присели, оледенели от страха. В полумраке блестели испуганные глаза. Они видели, что происходит на другой стороне состава. С перрона доносилась многоголосая украинская речь.

— Марек, что им надо? — пробормотал один из них. — Это же хохлы, их тут целая прорва. Марек, зачем? Их и так хватало в городе, что происходит, Марек?

— Вот же пся крев!.. — выругался второй, выходя из оцепенения. — Слухи гуляли, Франтишек, да я не верил. Убивать нас будут, вот что происходит. Бросаем все, бежим со станции, уводим семьи, пока не началось. Нырять под вагон, чего ты застыл!

— Подожди, Марек. — У молодого паренька от страха застучали зубы. — Но здесь наш дом, мы же работаем, устроены на этой станции. Марек, может, у них учения или еще что. Евреев ловят, цыган каких-нибудь. Нас же взгреют, если сбежим с работы.

— Ты совсем дурак? Тикаем, тупая башка!

Они опоздали! Уже бежали между путями люди с оружием, метались лучи карманных фонарей.

— Ни с места! Кто такие? — проорал на мове рослый молодчик.

Франтишек сделал попытку встать, получил удар по спине, повалился и захныкал:

— Прошу пана, мы свои, здесь живем и работаем. — Он заикался, путал украинские и польские слова.

— Так то же ляхи, хлопцы! — восторженно выкрикнул молодчик. — Вали их, чтобы нашим воздухом не дышали! Нечего ждатель!

— И впрямь, Микола! — заявил его приятель. — Часом раньше или позже!..

Носок тяжелого сапога вонзился в висок Франтишека. Тот схватился за голову, продол-

жал умолять. Хлестнула очередь, повалила его на шпалы. Тело дернулось, затихло.

Марек, пользуясь заминкой, по пояс нырнул под поезд. Повстанцы засмеялись, кто-то занес карабин с примкнутым штыком, вонзил лезвие ему в поясницу, ждал, тянул удовольствие. Потом убийца резко выдернул штык. Тела они оставили на рабочем месте, побежали дальше по шпалам.

— Батальон, смирно! — пронеслось над перроном, и неровные шеренги приумолкли, повстанцы выравнивали носки.

— Батальон, вольно! — гаркнул представительный офицер в яловых сапогах, перетянутый портупеей.

Он выпрыгнул из штабного вагона, размашисто пошел по перрону. За ним едва поспевал ухмыляющийся коротышка с лоснящейся круглой физиономией. Он тоже носил офицерскую форму, хотя в отличие от первого делать этого не умел.

— Младко, выводите людей. Вы знаете, что надо делать! — гаркнул командир.

Он встал посреди перрона, расставив ноги, молча смотрел, как войско, выстроившись в колонны, шумно покидает вокзал. За его спиной осталось отделение повстанцев, личная охрана.

На перрон въехал штабной автомобиль с открытым верхом. За спиной водителя сидели два автоматчика с нарукавными повязками. На

V-образных вырезах головных уборов выделялись трезубцы, символ украинской государственности.

С переднего сиденья прыгнул мужчина в форме, бодро направился к рослому офицеру. Тот заложил руки за спину, ждал. В мутном свете перронного фонаря выделялось удлиненное скуластое лицо, четко обрисованный нос, тонкие губы, пытливые глаза под темными бровями. Щекастый помощник обретался сзади, маленькие глазки возбужденно поблескивали. Намечалась потеха, по масштабам превосходящая все, что было раньше.

— Здравия желаю, пан майор! — Офицер, подъехавший на машине, щелкнул каблуками и выбросил руку в нацистском приветствии — явно для эсэсовцев, пяливших на них глаза. — Сотник Жулеба, возырский гарнизон повстанческой армии!

— Майор Горбацевич. Это мой помощник — поручик Кишко. — Он кивнул на коротышку. — Надеюсь, все готово, пан Жулеба? Вы знаете, зачем мы прибыли?

— Так точно, пан майор! — Жулеба снова щелкнул каблуками. — Мною получен приказ из Луцка со всеми сопутствующими инструкциями. Мы в курсе, что операция проводится по всей Волыни силами нашей армии, усиленной подразделениями службы безопасности. В зоне нашей ответственности расположены семь насе-

ленных пунктов, включая непосредственно Возырь. Мы готовы приступить к делу.

— Отлично, — сказал Горбачевич. — Сколько у вас людей, сотник?

— В моем распоряжении две роты, пан майор. Плюс два взвода вспомогательной полиции, набранных из украинских патриотов. А также порядка двух сотен добровольцев из местных жителей, не желающих мириться с засильем ляхов на нашей земле.

— Неплохо. Плюс мои три сотни. Немедленно оцепить все узловые точки, выезды из города, кварталы с компактным проживанием поляков! Списки составлены?

— Так точно, пан майор! Мы выявили всех поляков, проживающих в городе Возырь, селах Бержец, Карнопол, Залесье-Торопецкое, Выжиха, Клещинка, Росны и Поросля. Смешанные польско-украинские семьи мы тоже учитывали согласно поступившему приказу. Это больше четырех тысяч душ, пан майор. — Голос Жулебы слегка задрожал, но выровнялся.

— Что-то не так? — среагировал на это коротышка Кишко. — Вы считаете этот мусор за людей?

— Вовсе нет, пан поручик, — ответил Жулеба. — Поляков на нашей земле быть не должно. Этой грязи здесь не место.

— Что с этими?.. — Горбачевич украдкой кивнул на солдат в немецких касках. — Досадно, ко-

нечно, но ссориться с ними — гарантированное самоубийство.

— Немецкая администрация дает нам полный карт-бланш и обещает не вмешиваться в наши дела, если они не коснутся их собственной безопасности. Штандартенфюрер Ганс Хагель ничего не имеет против этого мероприятия.

— Вы понимаете, что люди из так называемой Армии Крайовой будут чинить нам препятствия? У них тоже работает разведка.

— Они не смогут организовать эффективное сопротивление, — заявил Жулеба. — Нам известно местонахождение партизанских баз, часть из них уже ликвидирована, остальные под наблюдением. Агентурная польская сеть в Возыре под нашим колпаком. Активность советских партизан в Ковельском повете незначительная. Есть одна база, некоего Глинского. Она находится в урочище Росомач. Местность труднодоступная, контролировать ее сложно. Но мы вышли на этот отряд, и скоро он будет уничтожен. — Жулеба не удержался от самодовольной ухмылки. — Добро пожаловать в наш штаб, пан майор. Он неподалеку, на улице Загорской, в здании школы. Там вам предоставят списки и план первоочередных мероприятий. Вы сможете поддерживать связь с полевыми подразделениями. Свободная машина за углом, ждет вас.

— Хорошо, я скоро подойду.

Он оправил складку за спиной под португеей и двинулся к крыльцу вокзала, где давно подметил человека в фуражке с высокой тульей. На петлицах в свете фонаря переливались дубовые листья. Офицер держался вальяжно, смотрел насмешливо.

Горбачевич перешел на строевой шаг, выбросил руку в нацистском приветствии.

— Хайль Гитлер, герр Хагелъ! — У него был неплохой немецкий, который он в далекие тридцатые преподавал неразумным львовским школьникам. — Рад представиться, майор Горбачевич, отдельный батальон Службы безопасности ОУН. Прибыли для выполнения задачи, которую ваше руководство и вы лично, разумеется, одобрили.

— У вас вполне сносный немецкий язык, майор, — заметил высокопоставленный эсэсовец. — Молодец. Если не ошибаюсь, в прошлом году вы служили на командной должности в двести втором батальоне вспомогательной полиции? Знакомое лицо.

— Так точно, господин штандартенфюрер! Я родом из Ковеля, по образованию преподаватель иностранных языков. Выпускник школы абвера, расположенной в Кракове, командовал взводом в диверсионно-разведывательном подразделении «Нахтигаль». В составе батальона спецназа «Бранденбург-800» участвовал в освобождении Львова от ига большевизма. Имею награды рейха, личную благодарность от под-

полковника Пауля фон Ланценауэра, командира батальона.

— Похвально, — заявил эсэсовец. — Надеюсь, вы знаете, что делаете, и нам не придется расхлебывать ту кашу, которую вы заварите. Вы же понимаете, что мы делаем с теми, кто зарвался и поставил себя выше великой Германии.

— Так точно, штандартенфюрер! Мы действуем только в русле интересов великой Германии!

— Хорошо, работайте.

Майор удалился, скрипя зубами, хмуро косясь на скалящихся солдат. Политика великой Германии проста и понятна: столкнуть лбами украинцев с поляками. Можно ничего не делать, сидеть и наблюдать, сложив лапки. Сами справятся. Украинцам только того и надо. Зачем вмешиваться? Эта земля исконно украинская, но много лет принадлежала Польше. Оттого-то каждая сторона и считает ее своей.

Повстанцы занимали ключевые объекты и перекрестки, брали под контроль жилые кварталы. С немецкими патрулями они старались не пересекаться, держались от греха подальше.

Машина неслась по ночному городку к школе, расположенной на Загорской.

Рядом с майором пыхтел и что-то бормотал себе под нос поручик Кишко, человек неприятный, недалекий, но исполнительный, обладаю-

щий нюхом и преданный со всеми потрохами делу незалежности.

Красные партизаны расстреляли его брата, служившего в 209-м полицейском батальоне, мать с отцом, когда те в запале бросились на автоматы. Этот бесноватый тип будет служить до последнего, вешать, резать, лично расстреливать, пока его самого не шлепнут.

Горбацевич исподлобья смотрел на хаты, бараки, массивные трехэтажные дома ближе к центральной части города. За окнами поблескивали огоньки. Встревоженному населению не спалось. Даже украинцам беспокойно было, что уж про других говорить. Губы майора исказила циничная усмешка.

Город замер в тревожном ожидании. Самые сообразительные инородцы искали лазейки, но все они были надежно закупорены. Карательные части выдвигались из Возыря в закрытых грузовиках, выходили на нужный маршрут. Только на Волыни в эту ночь было запланировано обработать 176 населенных пунктов.

Подготовка прошла на должном уровне. Повстанцы действовали четко, правильно. Сегодня им разрешалось все — убивать, грабить, чувствовать себя безраздельными хозяевами на этой благословенной земле.

У здания средней школы гудели грузовые машины — немецкие трехтонные «Мерседесы» и «Опели». Гудели моторы, шумели люди. В ку-

зова загружались бойцы в каком-то подобии униформы и целая свора добровольных помощников, которым осточертело польское засилье. В тусклом свете фонарей мелькали топоры, мотыги, вилы. Можно было подумать, что вся эта свора направлялась на сельскохозяйственные работы!

Четко отдавал приказы заместитель по боевой части, бывший офицер польской армии Младко. Многие там служили, выбора не было. В тридцать девятом он бежал с фронта, прорванного немцами, и быстро перековался в ярого националиста. На этого немногословного вдумчивого мужика Горбачевич всегда мог положиться, знал, что не подведет.

В здании школы было тихо, в отличие от суматохи, царящей во дворе. Горбачевич развалился на продавленной кушетке в учительской комнате, позволил себе на пару минут погрузиться в тишину и покой. Главное, наладить работу. Пусть подчиненные вьются и жужжат как пчелы.

Но нет, лежать не время. Он упруго поднялся, вытряс из планшета карту, развернул на столе. Его люди с задачей справятся, сомнений нет. Восемь населенных пунктов в зоне ответственности, эка невидаль. Он хищно созерцал расправленную карту, скользил рукой и взглядом по складкам местности.

Возырский повет не такой уж маленький. В городке когда-то проживало двенадцать ты-

сяч населения. Минус евреи, ляхи, большевики, братья-украинцы, сложившие головы за родную страну. Остается не больше пяти. К утру будет не больше четырех, воздух очистится.

Аккуратно постриженный ноготь скользил по городским улицам — Загорская, Лютневая, Домбровича. Городок компактный, вокзал почти в центре, железнодорожная ветка, идущая из Ковеля в Любомир, пересекает его на северную и южную половины. Вокруг поля и небольшие рощи. Все солидные лесные массивы дальше.

Украинские села не в счет, с тамошними поляками местные патриоты сами разберутся. Он выделял карандашом нужные объекты. На западе крупное село Бержец, к северу от него — Залесье-Торопецкое. В трех верстах к северу от Возыря стоит Выжиха, где поляков хоть вилами черпай. Восточнее — Поросля. Там тоже стреляй каждого первого, не ошибешься. Дальше Росны и Прокц, но там уже чужая епархия.

Задумчивый взгляд скользил к югу от города. Густые леса, заболоченные балки, убитые проселочные дороги, на которых практически не появляется немецкая военная техника. На юго-западе от Возыря — польская Клещинка, на юго-востоке — Карнапол, где украинского населения кот наплакал, зато ненавистных ляхов как грязи.

— Часовой!

В учительскую комнату ввалился боец с немецким карабином, в венгерском френче и советских кирзовых сапогах.

— Кишко сюда!

— Слушаюсь, пан майор!

Заместитель вырос быстро, словно ждал в коридоре. Маленькие глазки плутовато бегали. Чувствовал, паршивец, свой звездный час.

— Вызывали, Назар Иванович?

— Сюда смотри, Нестор. — Палец снова пополз по карте. — В Бержец, Порослю, Выжиху и Росны мы уже отправили людей. Берешь взвод, кого там еще из добровольцев, и вот сюда. — Он очертил овал между Клещинкой и Карнополом. — Два часа на зачистку. Потом с докладом обратно. Особо разбираться не надо. наших там давно нет. А если и есть, то сами виноваты.

— Назар Иванович, задачу усвоил. Справляюсь, как и всегда. — Кишко осклабился, небрежно козырнул и вылетел из учительской.

Он вновь задумчиво созерцал карту. К югу от упомянутых сел располагалось обширное горно-лесистое урочище Росомач. В некотором роде терра инкогнита. Болота с извилистыми тропками, скальные массивы с пещерами и запутанными норами.

На востоке от Росомача стояло небольшое село Подъяров с преимущественно польским населением. Тамошние жители поддерживали

Армию Крайову и даже советских партизан. Те, конечно, выжимают из крестьян последние крохи, конфискуют продовольствие, лошадей, телеги, но массовое истребление поляков не практикуют.

Память цеплялась за былые события, воскрешала лица, виденные когда-то.

Стало быть, советскими партизанами, засевавшими в урочище, командует товарищ Глинский? Давно не встречались, Николай Федорович.

Осень тридцать девятого, город Львов, который наводнили советские войска. Таковы были последствия коварного сговора Молотова с Риббентропом.

Тот факт, что Польша была разорвана на куски, Назара Горбацевича несколько не волновал. Чем хуже полякам, тем лучше украинцам. Но надежда на создание собственного государства быстро развеялась. Впрочем, не сложилось с этим и в дальнейшем, при немцах.

Комиссары хватали всех, кого подозревали в сочувствии националистам. Подвалы лопались от арестантов. Их расстреливали каждую ночь до мозолей на указательных пальцах.

Горбацевич ушел на дно, подумывал обратиться из города. Все, кто знал об его связях с Бандерой, давно лежали в земле. Работу пришлось оставить, жил на последние сбережения да на то, что осталось от мертвых родичей.

Все же он загремел в кутузку. Да не за политику, а за историю годичной давности.

Тогда Назар не устоял перед соблазном и оприходовал пятнадцатилетнюю Лельку, ученицу из класса, в котором он преподавал. Хороша была девка, хоть и жидовка, постоянно хлопала на него большими зенками. Ужимки себе позволяла, косые взгляды. Хихикала с подружками за его спиной.

Не вынесла душа поэта. Он отследил ее как-то вечером, заташил в старую котельную да отделал так, что мама не горюй! Лелька выла, плакала, кусалась, чем заводила его еще сильнее. В подвале этой котельной она и осталась.

Впоследствии он истребил множество подобных жидовок — и пулями, и прутьями арматуры, и голыми руками. А вот за эту, первую, чуть не поплатился. Кто-то настучал в милицию, засек его, видать, в ту ночь.

Кабинет, наручники. Усталый майор милиции, поначалу вежливый, показывал ему фото той самой девчонки, смотрел с презрением. Назара даже смех брал. Большевикам заняться больше нечем? Обычная еврейка-малолетка. Таких на Украине миллионы.

Видимо, он ляпнул что-то не то, вот и получил по зубам. Этот выбитый коренной зуб Горбачевич запомнил навсегда! А также физиономию майора, которого люто возненавидел.